

ОГОНЬ ПРОМЕТЕЕВ

Когда летом 1958 года выпускник Баяниного отдела Наманганского музыкального училища Румиль Вильданов подал заявление на композиторский факультет Ташкентской государственной консерватории, члены приемной комиссии реагировали на это по-разному: одни увидели здесь признак юношеского наивности, другие расценили как симптом явного авантюризма. В самом деле, на что мог рассчитывать человек, представивший в качестве экзаменационной работы несколько слабых фортепьянных миниатюр, на уровне музыкальной самостоятельности владевший баяном, но не имевший ни малейшего представления об основах композиторского мастерства.

Но Румилу повезло. Больше того — ему повезло вдвойне. Председатель приемной комиссии — музыковед Юзеф Гейманович Кон, человек необычайного таланта и эрудиции, интуитивно почувствовал в первых примитивных и неумелых попытках Вильданова какую-то живинку, едва заметную искру композиторской одаренности. Это и решило исход дела: Румиль Вильданов стал студентом консерватории. И не просто студентом, а учеником одного из крупнейших советских педагогов в области композиции, заслуженного деятеля искусств Азербайджанской и Узбекской ССР профессора Бориса Исааковича Зейдмана.

Впрочем, радоваться Румилу было явно преждевременно. На первом же занятии профессор с изумлением обнаружил редкостную беспомощность своего студента в самых элементарных вопросах музыкальной технологии. Оставалось единственно возможное — начинать все с аздов.

1962 год. Студент IV курса Ташкентской консерватории Румиль Вильданов, представивший на Всесоюзный конкурс молодых композиторов свою поэму — кантату «Войдите в мир», завоевывает диплом II степени. Его Симфония, исполненная дважды — в Большом зале консерватории и концертном зале им. Свердлова, — становится, по единодушному мнению критиков, событием музыкальной жизни Ташкента. Уже после окончания консерватории Вильданов создает свою ораторию «Владимир Ильич Ленин» на слова В. Маяковского — произведение яркое, талантливое, написанное рукой мастера. «Это один из самых одаренных представителей молодого поколения советских композиторов», — к такому выводу пришел Дмитрий Борисович Кабалевский, прослушав произведение молодого музыканта.

...Трудно сказать, как сложилась бы судьба уйгурской девушки Шахиды Шаймардоновой, приехавшей в Ташкент из далекой китайской провинции Синьцзян, если бы ей не посчастливилось попасть в число учеников Бориса Исааковича Зейдмана. Она страстно мечтала стать композитором — и ни разу в жизни не слышала не только симфонического, но даже народного оркестра, а фортепьяно владела на уровне начальных классов музыкальной школы. Шахида обладала феноменальной трудоспособностью (она могла заниматься до 20 часов в сутки), исключительным усердием и целеустремленностью. И все-таки, ее творческий рост

и достижения поразительны и непостижимы. Всего лишь через семь лет после того, как Шахида переступила порог Ташкентской консерватории, она смогла представить в качестве дипломной работы вполне профессиональный Концерт для скрипки с оркестром, заслуживший высшую оценку государственной экзаменационной комиссии и исполняемый ныне в публичных концертах и по радио.

Нужно ли после этого удивляться тому, что о педагогическом даре и мастерстве Бориса Исааковича Зейдмана ходят легенды!

Но вот, что на самом деле удивительно, так это то, что ученики Бориса Исааковича поразительно непохожи в своем творчестве ни друг на друга, ни на своего учителя. Что общего, например, между Шахидой Шаймардоновой, создающей свои произведения на мелодической основе родного ей уйгурского фольклора, и Румилем Вильдановым, влюбленным в творчество Шостаковича и следующим его традициям; между Энмарком Салиховым, тяготеющим к мелодической ясности, и Леонидом Клиничевым с его подчас чрезмерными сложностями музыкального языка; между Рашидом Хамраевым, успешно дебютировавшим в жанре узбекской национальной оперы, и Ефимом Шварцем, отдающим предпочтение работе над детской песней!

Впрочем, общее все-таки есть. Это — высокий профессионализм, отличное владение техникой музыкальной композиции, тонкое и глубокое знание основ композиторского мастерства. И еще — горячая приверженность своему искусству, упорный, каждодневный, напряженный труд, большие и серьезные творческие цели, твердо и ясно поставленные перед собой и непременно достигаемые, несмотря ни на что. Во всем этом ученики явно подражают своему учителю.

Какими же чудодейственными методами добивается профессор Б. И. Зейдман столь удивительных результатов? Каковы те педагогические принципы, которыми он пользуется в работе со своими учениками?

Думается, что принципы у Бориса Исааковича столько же, сколько учеников. Он умеет буквально с первого знакомства безошибочно определить характер и особенности творческой одаренности будущего композитора, посвящая в дальнейшем все свое внимание развитию именно его индивидуальности.

И все-таки главное здесь — вовсе не принципы преподавания. Главное — это сама личность замечательного педагога. Личность необычайно яркая, богатая, разносторонняя, способная привлекать всеобщие симпатии и оказывать воспитывающее влияние на окружающих.

Б. И. Зейдман — человек высочайшей требовательности

и дисциплины. Никто не может припомнить случая, чтобы он опоздал на занятие, так же, как невозможно представить себе в его устах грубое, сказанное в порыве раздражения или унижающее человеческое достоинство слово. Но попробуйте не выполнить его задание или хотя бы опоздать на десять минут!

Мало кто из композиторов может похвастать столь значительной творческой плодотворностью, как Зейдман. Ведь только за последнее десятилетие им создано множество произведений самых различных жанров: опера «Зейнаб и Омон» (в соавторстве с Т. Садыковым, Ю. Раджаби и Д. Закировым), два больших балета — «Человек, который смеется» (по В. Гюго) и «Со-

рока-воровка» (по А. Герцену), Симфонietta, несколько струнных квартетов, Концерт для симфонического оркестра. Совсем недавно композитор завершил пятичастную Симфонию, посвященную 50-летию Великого Октября. И все это в условиях напряженной педагогической работы, сочетающейся с активным участием в деятельности Союза композиторов Узбекистана. А сколько времени и труда уходит на рецензирование музыковедческих диссертаций, редактирование книг, участие в работе государственных экзаменационных комиссий! И не случайно имя Б. И. Зейдмана произносится в мире музыкантов с особым уважением.

К нему идут за советом и консультацией не только студенты-композиторы, но и вокалисты, теоретики, инструменталисты — и каждый встречает искреннее стремление помочь, откликнуться словом и делом.

Талантливый педагог — это всегда огромная радость, великое счастье для ученика. Это яркий след в жизни, в сознании, в мировоззрении. И Ташкентская консерватория может гордиться тем, что в ее стенах трудится такой яркий педагогический талант и крупный мастер, как Борис Исаакович Зейдман.

В. САВРАНСКИЙ.